

ПОДГОРНЫЙ
КЛЮЧ
ОБЪЕКТЫ СОО СРЕДСТВА
2011г.

**Хезмәткә һәм халыкка багышланган гомер. Часть 2.
Мәхмүтова Альта Хәҗи кызы**

Возвращение отца

В деревню стали постепенно возвращаться фронтовики. Все стали ждать возвращения отцов и братьев с войны или хотя бы писем с вестями о скором возвращении. Мои одноклассники, чьи отцы вернулись, ходили гордые и счастливые, пересказывали нам рассказы отцов. Наступило лето, а вестей от нашего папы все еще не было. Письмо от него пришло только в августе. Наконец-то папа нашелся! Он жив! Он скоро вернется! Стали жить ожиданием писем от папы. Он, оказывается, попал в плен к немцам. Сейчас же освобожденные из плена солдаты восстанавливали разрушенные немцами заводы и фабрики. Наш папа вместе с другими работал на восстановлении металлургического комбината в городе Днепропетровске. Письма от него приходили регулярно. Как правило, начальная часть писем была написана на кириллице, и ее читали мы все. Большую же часть письма папа писал на арабской графике. Ее могла читать только мама.

Мне тоже хотелось читать эти непонятные письмена, и я стала просить маму научить меня этой грамоте. Мама много раз отказывала мне, но зная мою настырность, все-таки решила показать написание нескольких букв. При этом она объяснила, что это очень сложное письмо, что, даже выучив все буквы, сразу невозможно научиться читать письма, что для этого нужна большая практика. Она показала мне, как арабскими буквами пишутся несколько простых слов, а также мое имя и фамилия, дала мне папины письма, чтобы я самостоятельно нашла в них хотя бы свое имя. Естественно, что я не смогла это сделать. Мама показала мне написанное папой мое имя, объяснила, что почерки бывают разными, что на арабской графике многие буквы не пишутся или пишутся друг над другом. И вообще, пока я буду учиться распознавать буквы, папа уже придет. И добавила: «Если тебе будет нужно, то научишься читать и писать арабское письмо, когда вырастешь» (так, в конце концов, и произошло!).

Наступило 1 сентября. Перескочив через класс, я вместо второго стала сразу учиться в третьем классе, который вела Амина апа Бадертдинова. Она мне очень нравилась еще до школы, и я была рада, что буду теперь учиться у нее. Все ученики в классе были старше меня на два-три года (они начинали учиться с 8 лет). Училась я по-прежнему хорошо, без затруднений, и Амина апа часто предлагала мне позаниматься с отстающими ребятами после уроков. Это, наверно, была любопытная картина: за столом Амина апа проверяет тетради, а на задней парте маленькая девочка втолковывает мальчику-подростку (или сразу нескольким) азы арифметики или правила грамматики. Мне это нравилось, но и мальчики воспринимали эти занятия вполне адекватно. Я не помню случая, чтобы кто-то из ребят меня обижал.

Бэдертдинова Эминэ 4-класс укучылары белэн 1947 ел

Наш класс вообще был дружный и старательный. Ребята оказывались в отстающих, как правило, не из-за лени, а потому, что дома не было условий для занятий. Им нужно было помогать по домашнему хозяйству, следить за младшими, ухаживать за скотом и т.д. К тому же не хватало учебников, тетрадей, ручек, чернил, карандашей. Не хватало одежды и обуви. Это видно и по фотографии нашего класса. Фотография была сделана в 1946-1947 учебном году, поздней осенью или ранней весной, что видно по одежде и обуви моих одноклассников.

В апреле 1946 года вернулся папа. Он был комиссован, так как из-за болезни уже не мог работать. Сопровождавший санитар привез его на поезде на станцию Можга, а там встретили Назия апа и сосед Ясави абзый на лошади. И вот папа дома. Он был очень длинный и худой (при росте 1 метр 80 см весил менее 50 кг), без посторонней помощи почти не мог передвигаться. Папа и ел очень мало: я помню, как сказала маме, что папа ест, как наша корова Манька (когда ее привели, она ела очень мало, по одной травинке, выборочно). Шинель на нем была не такая, как у других возвратившихся с войны солдат, а серого «мышинного» цвета и «болталась» на папе, как на палке. Оказывается, это была военная форма американцев. Из плена наших освободили американцы. Они же помогли пленным и с одеждой, так как они хотели скорее снять ненавистную лагерную одежду.

Я помню, как несколько вечеров папа рассказывал о мытарствах, пришедшихся на его долю. Это давалось ему нелегко, так как он заново переживал все случившееся с ним. Иногда, не в силах продолжать рассказ,

он замолкал надолго. В таких случаях мама переводила разговор на будничное, отвлекая его от тягостных воспоминаний. Выговорившись, рассказав о пережитом, папа раз и навсегда наложил запрет на дальнейшие мои расспросы.

Итак, чуть более двух месяцев папа находился в печально известном учебном лагере Суслонгер. Лагерь этот был организован с началом войны для накопления и обучения мобилизованных в армию солдат и формирования воинских частей. Жили они в больших палатках и землянках, которые сами же выкопали и оборудовали подручными средствами. Порядка в лагере не было, не хватало обмундирования, не было налажено питание. Мама, которая в сентябре съездила к папе и отвезла ему продукты и теплую одежду, рассказывала, что еле узнала его, так как папа очень исхудал, одежда его истрепалась (а папа у нас всегда был очень аккуратным!).

28 октября 1941 года сформированный в Суслонгере 3745 стрелковый полк, в который был зачислен папа, был отправлен на фронт. В начале ноября они оказались в составе Западного фронта, державшего оборону всего в сотне километров от Москвы. Их выгрузили из эшелона на какой-то станции. Затем они, сделав марш-бросок, оказались в чистом поле, где стали обустроиваться в одном из оврагов. Уже ударили морозы, в овраге хотя бы ветра было меньше. Наверху над оврагом они рыли окопы, а в овраге – что-то вроде землянок. Было тихо, не слышно было даже никакой канонады. Командование ничего не объясняло подчиненным. Время от времени командиры куда-то исчезали. Это еще больше вселяло тревогу в сердца красноармейцев. Так прошло несколько дней, пока, проснувшись однажды утром, солдаты не обнаружили, что все командиры исчезли.

Прождав до обеда, но, не дождавшись командиров, брошенные на произвол судьбы солдаты и младший командный состав (сержанты и старшины, среди них оказался лишь один младший лейтенант, прибывший накануне вечером), надеясь, что командование отправилось выяснять обстановку и вернется, на всякий случай решили все же как-то соорганизоваться. Выяснилось, что у них почти нет оружия: еще в пути им раздали по винтовке на двоих, по пять патронов каждому и по гранате на пятерых, сказав, что оружие они получат на месте дислокации. Но больше оружия они не получали. Младший лейтенант временно взял командование на себя. Командиров рот и взводов пока заменили сержанты, старшины и старослужащие. Прошла полная тревог ночь. А рано утром они слышали грохот танков, немецкую речь и лай собак. Выйдя из своих землянок и палаток наружу, они увидели, что окружены: наверху, по кромке оврага, выстроились немецкие автоматчики; отдельной кучкой, вместе с немецкими офицерами, стояли и их командиры, исчезнувшие предыдущей ночью. Именно они отдали приказ сложить оружие и заявили: «Мы находимся в

глубоком тылу немцев, все поблизости занято немцами. Сопротивление бесполезно, война проиграна»...

Так 15 ноября 1941 года для папы начался немецкий плен. Колонны пленных погнали на запад. Группа пленных татар, старавшаяся держаться вместе, решилась на побег. Их было 10-12 человек, и улучив момент, они бежали. Около недели они блуждали по лесам и болотам Белоруссии, но в конце концов немцы с помощью собак напали на их след. Во время этой погони несколько человек погибло, папу ранило в руку. Пойманные семеро татар, истерзанные собаками, жестоко избитые, оказались в пересыльном лагере в Орше.

Дальше начались новые злоключения. Лагерь. Этапы. Новые лагеря. Наказания. И непреходящее чувство голода. Размещавшиеся поздней осенью и зимой под открытым небом либо в наспех вырытых землянках или кое-как сколоченных бараках, они сотнями гибли без медицинской помощи от болезней, истощения, голода и холода в пересыльных лагерях. У папы воспалилась раненая рука, которую ему наспех перевязали куском ткани, оторванным от подола его рубашки. Медицинской помощи не было, перевязать руку было нечем. У папы поднялась температура, он потерял сознание. Его товарищи по несчастью нашли врача среди военнопленных. Когда доктор снял повязку, оказалось, что у папы уже начиналась гангрена. Нужна была немедленная операция. Доктор обычным перочинным ножом, прокалив его на костре, вскрыл распухшую руку, вычистил его от гноя, присыпал золой и снова перевязал, оторвав клочок от папиной же рубашки. Затем удалось достать из медпункта какие-то противовоспалительные средства. Постепенно под присмотром этого врача рука папы стала заживать.

Наконец, закончились скитания по пересыльным лагерям Белоруссии, Польши, Германии, и папа оказался в лагере военнопленных под официальным названием Шталаг 317 «Маркт Понгау», расположенный в городе Санкт-Иоганн в Австрии. Лагерный комплекс в Маркт Понгау состоял из «Северного лагеря», в котором были помещены лишь советские пленные, и «Южного лагеря», где содержались французы, сербы, бельгийцы, англичане и итальянцы. Большая часть советских военнопленных использовалась на работах за пределами лагеря. Папа вместе с другими военнопленными работал в каменоломне, таскал с речки гравий, песок и камни, а весной 1943 года с несколькими товарищами попал на сельский хутор. Там тоже было трудно. На них смотрели как на бессловесных рабов. Та же тяжелая работа с утра до вечера. Тот же голод и холод. Та же неизвестность.

И вот здесь, на хуторе, произошел случай, потрясший папу до глубины души. Однажды утром, когда они с товарищем кормили свиней, на крыльцо вышла хозяйка и громко позвала: «Альта!». Услышав имя своей дочери (до этого случая он мое имя встречал только в кино), папа растерялся и без сил сел там, где стоял. Что только он не подумал за эти мгновения. Сначала ему в голову пришла мысль, что немцы дошли до Бизяков, и мы оказались каким-то образом здесь, на хуторе. Затем он понял нелепость такого предположения – выяснилось, что хозяйка позвала свою служанку, которую, оказывается, также звали Альта. На его состояние обратили внимание и его товарищ, и служанка. Через товарища, немного знавшего немецкий язык, он объяснил ситуацию, сказав, что у него есть дочь, которую тоже зовут Альта. С тех пор, пока они были на хуторе, служанка иногда подбрасывала им то лишнюю свеклу, то брюкву, то остатки еды хозяев или приготовленное для свиней варево из овощей и зерна. Я на всю жизнь запомнила слова папы: «Твое имя помогло мне сохранить жизнь».

Папа, один раз рассказав о своих мытарствах, несмотря на мою бесконечную любознательность, больше не хотел возвращаться к этой теме. Впрочем, не только папа, но и все другие фронтовики долгое время не хотели вспоминать войну. Рассказав по возвращении домой о «своей войне», они как бы ставили точку на этом этапе своей жизни, стараясь скорее забыть не только о злоключениях, которых немало досталось каждому, но и о своих подвигах. Только в 60-х годах, через два десятилетия после окончания войны, было снято своеобразное «табу» с рассказов о войне. Оставшиеся в живых военнопленные 1941 года, к которым относился и наш папа и другие, смогли пережить трагедию величайшего масштаба и вернуться домой. Всем им, конечно, повезло - они выжили. Но, кроме удачи, было и другое – огромная воля к жизни, способность удержаться на самом краю: не умереть от голода, не заразиться тифом, не погибнуть от воспаления легких, с достоинством принять судьбу и не надеть форму вражеской армии. Закаленные, все испытавшие, несломленные люди. Затем пришло освобождение и встреча с сотрудниками органов госбезопасности. А потом – затянувшееся на долгие годы возвращение в мирную жизнь...

Папа вернулся домой очень больным и истощенным. В семейном архиве сохранились две справки, с которыми он приехал. 1) Направление к глав.врачу 2-й особой больницы от 19 марта 1946 года следующего

содержания: “Командование 72-о отдельного рабочего батальона при заводе Металлургического оборудования просит дать справку о заключении его болезни и о негодности к физическому труду тов. Махмутову Хазию Махмутовичу. Ком. 72-о отд. раб. бат. лейтенант Холодко”. 2) Справка управления НКВД по Днепропетровской области от 31 марта 1946 года: “Гр-н Махмутов Хази 1900 г. действительно находился в рабочем батальоне при заводе им. Петровского и с сего числа направляется к постоянному месту жительства, как нетрудоспособный.

Татарская АССР Бондюжского района с. Бизяки.

Пред. Обл. проверочно-фильтрационной комиссии при У.Н.К.В.Д. Д/П области майор Студенков”.

У папы был сильный радикулит, болела спина, не слушались ноги; и мама делала все, чтобы поднять его на ноги. В лечении отца большую помощь маме оказывала сельская целительница Сахабиева Миниямал (1876 - середина 1960-х годов?). В деревне все ее знали как повивальную бабку (“кендек эби”). Фактически почти все родившиеся в советское время (до конца 50-х годов) бизякинцев прошли через ее руки. Она была не только хорошей акушеркой, но и знающим лекарем. У бизякинцев она пользовалась большим уважением и любовью. Мама, любившая и очень уважавшая Миниямал эби, рассказывала, что хотя я и Алиса родились в бондюжском роддоме, она довольно часто пользовалась и советами “кендек эби”. Особенно большую помощь она оказала маме при ее выздоровлении после болезни в 1942 году и в буквальном смысле помогла появиться на свет нашей младшенькой Анисе.

Я помню, как в течение года или даже больше, мама каждый день топила баню. Папу туда отводили мама и Назия апа, поддерживая с двух сторон. Приходила Миниямал эби. Она и мама его парили, делали массаж, готовили ванны со всякими травами и снадобьями. Через три-четыре часа такого лечения он возвращался домой сам, мама только немного поддерживала его. Лечили его и в районной больнице. Сохранилась справка о том, что он с 19 сентября по 21 октября 1946 года находился на стационарном лечении в Бондюжской райбольнице по поводу обострения радикулита поясничной области и правостороннего ишиаса, откуда был выписан без улучшения. Пребывание же на стационарном лечении отцу было необходимо для оформления инвалидности. Ему определили вторую группу инвалидности.

Что не удалось сделать официальной медицине, смогла сделать народная целительница Миниямал эби. Постепенно папа выздоравливал, болезнь отступала. Таких, как папа, получавших безвозмездную помощь от Миниямал эби в послевоенных Бизяках было немало. Папа же, выздоровев, с 1 сентября 1947 года вернулся к своей довоенной работе и стал работать агентом по сельхоззаготовкам Бондюжского райуполминзага. С 1 марта 1956

года он был переведен в Бондюжский РайФО на должность участкового инспектора, где проработал до выхода на пенсию в марте 1960 года.

Продолжение следует...